

СИНКМЕР
ЛЮИС

Льюис Синклер

Ивовая аллея

HarryFan

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138013

Авт. сб. «Кингсблад, потомок королей. Рассказы». : Правда; Москва;

1989

Содержание

1	4
2	13
3	38
4	48
5	56

Синклер Льюис

ИВОВАЯ АЛЛЕЯ

1

Джэспер Холт вынул из ящика стола квадратное стекло. Положил на стекло лист бумаги и написал: «Настало время, когда все честные люди должны прийти на помощь своей партии». Он внимательно рассмотрел свой округлый канцелярский почерк и переписал фразу мелкими, витиеватыми буквами, как пишут старые ученые-схоласты. Десять раз он переписал эти слова тем же искаженным, убористым почерком. Потом мелко-мелко разорвал листок, сжег обрывки в большой пепельнице и вымыл пепельницу под умывальником. Удовлетворенно побарабанив пальцами по стеклу, он убрал его в ящик. Если подложить стекло под бумагу, отпечатков не остается.

Как и его комната, обставленная креслами с бахромой и украшенная пестрыми подушечками-булавочницами, – лучшая комната в аристократическом пансионе миссис Лайенс, – Джэспер Холт имел вид почти аристократический. Он был стройный, уже лысеющий брюнет лет тридцати восьми, в элегантном светлом костюме с белой гвоздикой в петлице. У него были удивительно крепкие, гибкие пальцы. Он походил

на агента по продаже акций или младшего партнера юридической фирмы. В действительности же он служил старшим кассиром в Национальном Лесном банке в городе Верноне.

Он посмотрел на дорогие плоские золотые часы. Была половина седьмого, за окном начинали густеть сумерки теплого весеннего дня. Сегодня среда. Он взял трость, серые шелковые перчатки и стал спускаться по лестнице. Внизу он встретил хозяйку и поклонился. Хозяйка ответила ему длинной тирадой о погоде.

– Я сегодня не буду к обеду, – приветливо улыбаясь, предупредил ее Джэспер Холт.

– Хорошо, мистер Холт. Я знаю, вас ждут ваши высокопоставленные друзья! Я читала в «Геральде», что вы опять играете главную роль в новой постановке «Общественного театра». Не служи вы в банке, мистер Холт, вы были бы замечательным артистом.

– Не думаю. У меня, знаете ли, не тот темперамент. – Голос его звучал приветливо, но улыбался он одними губами. – Вот у вас сценическая внешность. Из вас вышла бы вторая Этель Барримор, если бы не мы, ваши подопечные.

– Ах, мистер Холт, ну и льстец же вы!

Джэспер Холт, откланявшись, вышел на улицу и, не торопясь, зашагал к местному гаражу. Кивнув дежурному, но не сказав ни слова, он сел за руль своего автомобиля и выехал на улицу. Он поехал в противоположную от центра Вернона сторону к предместью Роузбэнк. Но, не доехав до пред-

местья, он свернул и вскоре остановился на Фэнделл-авеню – этой типичной маленькой Главной улице бедного квартала, на которой есть свои кинотеатры и закусовые, магазины, прачечные и похоронные бюро. Холт вышел из автомобиля и сделал вид, будто проверяет, хорошо ли надуты шины. Он тыкал их носком ботинка, а сам незаметно оглядывал улицу. Не увидев ни одного знакомого лица, он вошел в кондитерский магазин «Парфенон».

Магазин «Парфенон» специализировался на продаже конфетных коробок, которые по виду походят на книги. Крышки сделаны под кожу, как переплет, на них тиснеными буквами словно бы название книги. Боковые стенки изображают обрез. Но страниц под фальшивым переплетом нет. Внутренность коробки заполняется конфетами.

Джэспер пересмотрел несколько коробок и выбрал две, с названиями попристойнее: «Дамское счастье» и «Любимое – любимой». Он попросил продавца-грека наполнить коробки недорогими шоколадными конфетами и завернуть.

Из кондитерской он зашел в соседнюю лавку, торговавшую между прочим книгами, и выбрал себе два романа с чувствительными заголовками под стать тем, что были на конфетных коробках. Их он тоже приказал завернуть. Выйдя из лавки, он нырнул в соседнюю закусную, заказал у мраморной грязной стойки бутерброд с салатом, пару пончиков и чашку кофе, отнес все на дальний столик и торопливо поел. Вернувшись к своему автомобилю, он еще раз огляделся

по сторонам.

Ему показалось, что он знает приближавшегося к нему человека. Но уверен он не был. Голова, плечи и грудь – то, что видит через окошечко кассир в банке – были как будто знакомы. Но, встречая человека на улице, Холт никогда не мог с уверенностью сказать, знает он его или нет. Было очень странно видеть, что у его клиентов, которые были для него только лица с руками, предъявлявшими чеки и получавшими деньги, имелись еще ноги, своя походка и манера держаться.

Он подошел к обочине тротуара и принялся, задрвав голову и поджав губы, с деловым видом разглядывать карниз кондитерского магазина. А сам уголком глаза продолжал следить за опасным прохожим.

– Привет кассиру! – кивнув, проговорил подошедший.

– Ах, это вы... здравствуйте! – Джэспер сделал вид, будто только сейчас его заметил, и пробормотал: – Вот осматриваю собственность банка.

Человек прошел мимо.

Джэспер сел в машину и выехал с Фэнделл-авеню опять на улицу, ведущую в предместье Роузбэнк. Взглянул на часы. Было без пяти семь.

В четверть восьмого он с главной улицы Роузбэнка свернул в проулок, который почти совсем не изменился с тех пор, как был простым проселком. Правда, кое-где на него выходило несколько плохоньких домов с облезлой краской, но в

основном с обеих сторон тянулись болота, да там и сям курчавились ивовые рощицы, и зыбкая почва была усеяна сухими листьями и стружьями коры.

За ветхими воротами виднелась заглохшая, почти не ездимая колея, терявшаяся среди ив в глубине участка. Джэспер провел машину между двумя покосившимися столбами ворот и затрясся по ухабистой колее. Он круто повернул к некрашеному сараю и, не сбавляя скорости, въехал внутрь, так что чуть не врезался передним бампером машины в заднюю стенку сарая. Он выключил зажигание, выскочил из машины и бегом вернулся к воротам. Спрятавшись в ольшанике у забора, он выглянул на дорогу. Мимо, оживленно разговаривая, шли две женщины. Они замедлили шаги, заглядывая в ворота.

– Вот где живет этот отшельник, – сказала одна.

– Это который пишет книгу о божественном и выходит из дому только по вечерам? Проповедник какой-то?

– Да, да, он самый. Его, кажется, зовут Джон Холт. По моему, он немножко не в себе. Он поселился в старом доме Бодеттов. Дом отсюда не виден – он в дальнем конце участка, выходит фасадом на ту улицу.

– И я слыхала, что он не в себе. Но кто это въехал сюда сейчас в автомобиле – вы видели?

– А-а, это его брат, не то родной, не то двоюродный. Он живет в городе. Говорят, богатый. И симпатичный.

Женщины прошли дальше. Джэсперу не слышно было

уже, что они говорят. Стоя в кустах, он пальцами одной руки тер ладонь другой. Ладонь была совсем сухая от волнения. Но он улыбался.

Он вернулся к сараю и пошел по выложенной кирпичом ивовой аллее, тянувшейся чуть ли не на целый квартал. Ивы росли с обеих сторон, образуя как бы стены и потолок. Когда-то это была красивая аллея, вдоль нее стояли резные деревянные скамьи, в конце она расширялась, образуя двор, посередине которого был фонтан с каменной скамьей и альпийский садик. Альпийский садик давно превратился в руины, поросшие буйными побегами плюща и дикого винограда; краска с фонтана облезла, железных купидонов и наяд съедала ржавчина. Мостившие аллею кирпичи поросли мхом и лишайником. Неубранные сухие листья и комья запекшейся грязи свидетельствовали о полном запустении. Кирпичи кое-где были выбиты, по неровной дорожке трудно было идти, не спотыкаясь. От ив, кирпичей и земли тянуло сыростью и холодом. Но Джэспер, по-видимому, этого не чувствовал. Он быстро шел по аллее к дому – серому каменному сооружению, которое на этих недавно заселенных землях Среднего Запада по праву могло считаться старинным. Оно было построено в тысяча восемьсот тридцать девятом году одним французом, торговцем мехами. Когда-то во дворе его индейцы-чиппева даже сняли с кого-то скальп. Масивная дверь черного хода запиралась неожиданно дорогим новейшим замком. Джэспер отпер его плоским ключом и за-

хлопнул за собой дверь. Пружина щелкнула, и дверь заперлась. Джэспер очутился в маленькой, просто обставленной кухне. Окна были завешаны шторами. Он прошел кухню, затем столовую и попал в гостиную. Уверенно, словно у себя дома, обходя в темноте стулья и столы, он подошел по очереди к каждому из трех окон и, только убедившись, что шторы опущены, зажег лампу на колченогом столике. Неяркий огонь осветил унылые коричневые стены, и Джэспер, обведя глазами комнату, довольно кивнул: с того времени, как он был здесь в последний раз, ничего не изменилось.

В комнате пахло затхлостью от старого зеленого репса, которым была обита мебель, и кожаных переплетов книг. Здесь давно не убирали. Всюду лежал слой пыли: на высоких с красными плюшевыми спинками стульях, на жесткой кушетке, на холодном белом мраморном камине, на дверцах огромного застекленного книжного шкафа, занимавшего целую стену.

Вся обстановка не вязалась с обликом Джэспера Холта – этого делового, энергичного человека. Но Джэспера она не смущала. Он ловко развернул оба пакета – с настоящими книгами и с конфетными коробками, похожими на книги. Положил один лист оберточной бумаги на стол и разгладил его. Потом высыпал на него конфеты из обеих коробок. Второй лист и бечевку он бросил в камин и тут же сжег. Подойдя к книжному шкафу, он отпер ключом одну из книжных полок. На ней стояли десятка два дешевых романов и среди

них по меньшей мере полдюжины были такие точно конфетные коробки, какие он купил сегодня в «Парфеноне».

Только одна полка в этом шкафу была отведена под эту легкомысленную литературу. На остальных плотно стояли унылые, в черных переплетах, с пятнистыми обрезами труда по истории и богословию, жизнеописания великих людей – убого-благородные произведения, какие можно у любого букиниста купить по пятнадцати центов за штуку. Джэспер несколько минут смотрел на них, словно заучивал наизусть названия. Затем взял «Житие преподобного Иеремии Бодфиша», открыл наугад и прочитал вслух: «Во время таких задушевных бесед в кругу семьи, которые мы вели после вечерней молитвы, брат Бодфиш заметил однажды, что Филон Иудей, чья ученая карьера всегда напоминала мне рассуждения Меланхтона о сущности рационализма, был всего-навсего софист». Джэспер захлопнул книгу и удовлетворенно проговорил:

– Филон Иудей так Филон Иудей. Сойдет для начала.

Он запер шкаф и пошел наверх. Дверь справа в верхнем коридоре вела в маленькую спальню. Там горел свет. Дом до появления Джэспера был, по-видимому, пуст, но горевшая на втором этаже лампочка должна была убедить всякого непрошеного гостя, который мог бы проникнуть во двор, что в доме есть люди. Мебель в спальне была самая спартанская – железная койка, один стул с прямой спинкой, умывальник, громоздкий дубовый комод. Джэспер повозился с замком,

рванув, выдвинул нижний ящик, достал оттуда черный мятый, лоснящийся костюм, пару черных ботинок, небольшой черный галстук бабочкой, белый стоячий воротничок, белую рубашку с накрахмаленной грудью, коричневую фетровую шляпу, всю в пятнах, и парик – отличный дорогой парик, грязно-рыжий и непричесанный.

Он сбросил с себя свой элегантный фланелевый костюм, воротничок с высокими уголками, синий галстук, сшитую на заказ шелковую сорочку, изящные туфли из мягкой кожи и, прежде всего поспешив натянуть парик, облачился в мрачное, черное одеяние. Он переодевался, а углы его рта уныло опускались. Бросив на кровать свое платье и оставив свет, он сошел назад в гостиную. Но теперь это был совсем другой человек – слабее здоровьем, слегка не от мира сего, менее располагающий к себе и, без сомнения, куда больше знакомый с долгими грустными думами одиночества. Приходилось согласиться, что это не Джэспер Холт, а его брат-близнец, Джон Холт – религиозный фанатик и отшельник.

2

Джон Холт, брат-близнец Джэспера Холта, старшего банковского кассира, протер глаза, как будто только что оторвался от многочасовых ученых занятий, и, горбясь, пошел в прихожую к парадному выходу. Он отпер дверь, подобрал два-три рекламных проспекта, брошенных почтальоном в узкую щелку для писем, вышел и запер за собой дверь. Ступеньки вели во двор, не такой запущенный, как ивовая аллея на задах. Двор выходил на улицу предместья, гораздо более оживленную, чем тот проулок, по которому Джэспер Холт подъехал к дому отшельника.

Уличный фонарь освещал двор и входную дверь, на которой белел приколотый листок. Джон провел ладонью по листку, ногтем попробовал, крепко ли он держится. Сейчас он не мог разобрать надпись, но хорошо знал, что там мелким, витиеватым почерком было написано: «Просьба не беспокоить, на звонок никто не выйдет, хозяин пишет книгу».

Джон стоял на крыльце, пока не разглядел за забором справа своего соседа-счетовода, большого, грузного человека, который расхаживал перед домом и курил послеобеденную сигару. Тогда Джон стал ходить по двору, понемногу приблизился к забору и стоял там, нюхая сирень, до тех пор, пока сосед не заметил его и не крикнул:

– Добрый вечер!

– Да, вечер как будто неплох.

Голос Джона походил на голос Джэспера, только был немного ниже по тембру, и тон был не такой уверенный.

– Как подвигается книга?

– Это очень, очень нелегкое дело. Трудно проникнуть в тайный смысл всех пророчеств. Однако мне пора на собрание духовного братства «Спасение». Искренне надеюсь видеть вас у нас в одну из наших сред или в воскресенье вечером. Желаю вам всего наилучшего, сэр.

Джон вялой походкой вышел на улицу. Зашел в мелочную лавку. Купил пузырек чернил. В бакалейной лавке, торговавшей по вечерам, купил два фунта кукурузной и два фунта пшеничной муки, фунт бекона, полфунта масла, полдюжины яиц и банку сгущенного молока.

– Прикажете доставить на дом? – спросил продавец.

Джон удивленно взглянул на него. Но оказалось, что продавец новый, он не мог знать его привычек.

– Нет, – сказал он укоризненно. – Я всегда отношу свои покупки сам. Я пишу книгу. И не могу позволить, чтобы меня беспокоили.

Расплачиваясь, Джон передал кассиру почтовый чек на тридцать пять долларов и получил сдачу. В бакалейной лавке привыкли к таким чекам-переводам на имя Джона Холта – отправителем на них всегда значился некий Р. Дж. Смит из Южного района Вернона. Джон взял пакет с провизией и

вышел из лавки.

– Тронутый, что ли? – спросил новый продавец.

– Да-а, – покачал головой кассир. – Он даже свежего молока никогда не покупает. Сидит на сгущенном. Что вы на это скажете? Соседи говорят, что он сжигает весь свой мусор. В его мусорном ящике, кроме золы, никогда ничего нет. Если постучаться к нему, он ни за что не откроет. Так мне рассказывали. День-деньской строчит свою книгу. Чудак, каких мало. Религиозное помешательство, по-моему. Но какой-то доход к нему поступает, видно, он из состоятельной семьи. Изредка выползает вечером из своей норы и бродит по городу. Сперва над ним подсмеивались, а потом привыкли. Он живет у нас, думаю, около года уже.

А Джон тем временем невозмутимо шагал по главной улице предместья Роузбэнк. В самом темном конце улицы он свернул в подъезд, над которым корявыми буквами, освещенными электрической лампочкой, было написано: «Духовное братство „Спасение“. Приглашаются все желающие. Вход свободный».

Было восемь часов вечера. Члены духовного братства собрались, как всегда, в своем помещении над булочной. Это была крошечная секта, державшаяся самых строгих принципов. Ее члены были убеждены, что только они истинно следуют догматам священного писания, и что только они одни спасутся, что все остальные секты и вероисповедания обречены вечной гибели за противное христианству пристра-

стие к роскоши, что грешно иметь священников и органы в храмах, а равно и самые храмы, а не пустые помещения с голыми стенами. Свои богослужения они проводили сами, по очереди вставая и обращаясь к присутствующим с толкованием какого-либо библейского текста или просто с хвалебным приветствием собранию благочестивых, которое отвечало возгласами: «Аллилуйя!» и «Аминь, брат наш, аминь». Были они люди тощие, строго одетые, по большей части пожилые и весьма собой довольные. Из них самым почитаемым был Джон Холт.

Джон Холт поселился в предместье Роузбэнк всего одиннадцать месяцев назад. Он купил дом, выстроенный французом Бодеттом, вместе с библиотекой, принадлежавшей последнему владельцу дома – удалившемуся от дел священнику, и заплатил за все новенькими сто долларовыми купюрами. Но он уже успел заслужить глубокое уважение членов братства. Он жил отшельником, почти никуда не выходил, проводя, как видно, дни в молитвах, в чтении и работе над книгой. Последнее вызывало у братии восхищение. Его просили, чтобы он прочитал им свою книгу. Ко времени описываемых событий он прочел им несколько страниц, содержащих главным образом цитаты из древних авторов, толкующих пророков. Он не пропускал почти ни одного собрания и в самой ученой, но абстрактной манере рассуждал перед братьями о «мирском» и «плотском».

В этот вечер он долго распространялся о том, что некто

Филон Иудей был попросту софистом. Спасаящиеся братья не очень-то понимали, ни кто такой Филон Иудей, ни что такое софист, но все они одобрительно кивали головами и подхватывали:

– Ты прав, брат. Аллилуйя!

Незаметно Джон перешел к своему брату Джэсперу, погрязшему в мирских пороках. Он говорил о нем печально и строго. Рассказывал, как борется с пагубной страстью Джэспера к деньгам. По его просьбе братья помолились за Джэспера.

Собрание окончилось в девять.

– Прекрасно прошло сегодня собрание. Такое свободное изъяснение духа! – вздыхая, пожимал Джон руки старейшинам братства.

Он сказал несколько назидательных слов вновь обращенной сестре – служанке, недавно приехавшей в Роузбэнк из Сиэтла. Захватив пузырек с чернилами и пакет с провизией, он мерными шагами спустился по лестнице. И в семь минут десятого покинул молитвенный дом.

В девять часов шестнадцать минут Джон Холт был в своей спальне и стаскивал с себя рыжеватый парик и траурный костюм проповедника. А в девять часов двадцать восемь минут Джон Холт снова превратился в Джэспера Холта, энергичного служащего Лесного банка в Верноне.

Джэспер Холт оставил в спальне своего брата зажженную лампу, быстро сбежал по лестнице, проверил замки парад-

ной двери, запер ее еще на засов, проверил, закрыты ли ставни на окнах, взял пакет с продуктами и кулек конфет, которые привез в коробках, похожих на книги, погасил свет в гостиной и торопливо зашагал по ивовой аллее к машине. Он бросил на сиденье конфеты и пакет, вывел машину задним ходом со двора, уверенно лавируя между кустов, и поехал по безлюдному проулку.

Проезжая мимо болота, он нашарил на сиденье кулек с конфетами, одной рукой развернул его и вытряхнул конфеты из окна. Они так и посыпались дождем в густую придорожную траву. Бумагу с маркой кондитерского магазина «Парфенон» Джэспер сунул к себе в карман. Затем из пакета, на котором тоже стояла марка магазина, он вынул и сложил на сиденье свертки с провизией, а пакет тоже сунул в карман.

Возвращаясь из Роузбэнка в город, он еще раз свернул и остановился у жалкой лачуги, в которой жил старый хромо́й норвежец. Джэспер просигналил. Из дома выбежал внук норвежца.

– Возьмите, я тут кое-что привез вам, – сказал Джэспер, подавая свертки.

– Да благословит вас бог, сэ́р. Я не знаю, что бы мы без вас делали, – прошамкал из-за двери старик.

Но Джэспер не стал его слушать.

– На днях заеду опять! – крикнул он и уехал.

В четверть одиннадцатого он остановился у дома, где помещался «Общественный театр» – последняя выдумка выс-

шего вернонского света. Обитатели фешенебельных кварталов чуть не все были членами Театрального клуба, во главе которого стояла дочка самого управляющего железной дорогой. Джэспер Холт, воспитанный и холостой, был радушно принят в среде «лучших людей города», хотя, кроме того, что он отличный кассир и родом из Англии, никто ничего о нем не знал, зато как актера его прямо-таки на руках носили: он был признан как самый талантливый актер-любитель во всем Верноне. Его ничем не примечательное лицо могло вытягиваться в трагическую маску или раздуваться толстощекой шутовской физиономией; его спокойные манеры словно скрывали вулкан страстей. В отличие от других любителей он не «представлял» – он просто перевоплощался. Он забывал о существовании Джэспера Холта и становился то бродягой, то судьей, то лощеным денди Ноэля Кауарда, то странным порождением фантазии Бернарда Шоу или символом из драм лорда Дансейни.

Все другие одноактные пьесы из нового репертуара «Общественного театра» уже отрепетировали. Джэспера ждали любители-актеры, занятые в пьесе, где он играл главную роль. Еще его хотели видеть дамы-постановщицы, чтобы узнать, во-первых, как он отнесется к синим шторам на сцене, а во-вторых, какой, по его мнению, заключается высший смысл в роли пажа, состоявшей всего из двух строчек, но доставшейся зато самой очаровательной любительнице самого юного поколения. Когда все обсудили и утихомирили

двух крупно поспоривших членов репертуарного совета, то, наконец, приступили к репетиции. Джэспер Холт был все в том же фланелевом костюме с увядшей гвоздикой в петлице; но это был уже не Джэспер Холт, это был старый герцог де Сан Саба, циничный, щедрый, великолепный, с изысканными манерами, с вкрадчивым голосом и снедаемый самыми низменными страстями.

– Ах, если бы мне побольше таких талантов, как вы! – восклицал нанятый театром профессиональный режиссер.

Репетиция окончилась в половине двенадцатого. Джэспер отвел машину в гараж и пешком вернулся домой. Дома он изорвал и сжег бумагу с маркой кондитерского магазина и пакет, в котором были продукты.

Спектакль состоялся в следующую среду. Джэсперу Холту аплодировали без конца. А на банкете, устроенном после окончания пьесы в Лейксайд-клубе, он танцевал с самыми красивыми девушками города. Он говорил мало, но зато танцевал без устали. Джэспер Холт был в зените славы.

В среду вечером Джон Холт не пришел на собрание духовных братьев в Роузбэнке.

А через пять дней в понедельник на совещании у директора Национального Лесного банка Джэспер Холт пожаловался на головную боль. На следующий день он позвонил директору и сказал, что не придет в банк: он попробует отоспаться, дать отдых глазам, может быть, тогда пройдет его мучительная головная боль. Это было некстати, потому что

именно в этот день его брат Джон приехал в Вернон и зашел в банк навестить Джэспера.

Директор видел Джона Холта всего один раз. И так уж совпало, что и в тот раз Джэспера не было в банке – он уезжал за город. Директор пригласил Джона в свой кабинет.

– Ваш брат сегодня остался дома. У бедняги страшная головная боль. Надеюсь, она скоро пройдет. Мы очень ценим вашего брата. Вы можете им гордиться. Не хотите ли сигару?

Директор говорил с Джоном, а сам незаметно разглядывал его. Как-то во время обеда (директор иногда угощал обедом своего старшего кассира) Джэспер обмолвился, что они с братом похожи как две капли воды. Но сколько ни всматривался директор в Джона Холта, он не замечал такого разительного сходства. Черты, были, пожалуй, те же. Но у Джона на лице застыла такая гримаса хронического духовного несварения, взгляд был так угрюм, рыжие космы такие спутанные, неряшливые – то ли дело черный лоснящийся зачес Джэспера над просвечивающей плешинкой, – что директор почувствовал к Джону неприязнь, столь же сильную, как и его симпатия к Джэсперу.

А Джон тем временем говорил:

– Я, знаете ли, не курю. Я решительно не понимаю, как это человек может отравлять сосуд божий наркотиками. По-видимому, я должен был бы радоваться, что вы так цените моего бедного брата. Но меня куда больше заботит его пол-

ное равнодушие к духовной стороне жизни. Он иногда приезжает ко мне в Роузбэнк. Я пытаюсь наставить его на путь истинный. Но признаюсь, мне это плохо удается. Легкомыслие его поразительно!

– Мы не замечали в нем легкомыслия. Он образцовый работник.

– Но он занимается актерством! И читает любовные романы! Конечно, я помню заповедь: «Не судите, да не судимы будете». Но я глубоко скорблю о том, что мой брат готов отдать вечное блаженство за преходящие радости земные. Однако я должен идти навестить его. Я верю, что мы встретимся с вами на собраниях нашего братства «Спасение» в Роузбэнке. Будьте здоровы, сэр.

Возвращаясь к прерванной работе, директор пробормотал:

– Скажу Джэсперу, что лучший комплимент, какой я могу ему сделать, – это что он совсем не похож на своего брата.

На следующий день, в среду, когда Джэспер пришел в банк, директор и в самом деле повторил ему свою шутку насчет сходства с Джоном, но Джэспер, – вздохнув, ответил:

– О, Джон, по существу, славный мальчик. Но он так давно занимается метафизикой, восточным мистицизмом и бог знает еще какой чертовщиной, что живет теперь как в тумане. Но, право же, он гораздо лучше меня. Если я вдруг убью мою домохозяйку или, скажем, ограблю ваш банк, шеф, пойдите к Джону – и я ставлю лучший обед в городе, что Джон

не успокоится, пока я не окажусь в руках правосудия. Вот какие высокие принципы у моего брата!

– Такие высокие, что простому смертному до них и не дотянуться! Так, значит, если вы нас ограбите, то я должен обратиться к вашему брату? Но, прошу вас, воздержитесь от этого. Я содрогаюсь при мысли, что придется иметь дело с детективом, который к тому же еще религиозный фанатик в крахмальной манишке.

Оба рассмеялись, и Джэспер пошел в свою кабину. Он признался, что голова у него все еще болит. И директор посоветовал ему взять недельный отпуск. Джэспер не соглашался: в связи с войной в Европе стала расти военная промышленность, и все больше поступает заводских платежных ведомостей, которыми как раз занимается Джэспер.

– Лучше неделю отдохнуть, чем потом болеть месяц, – настаивал директор.

И Джэспер поддался на уговоры. Он решил уехать и отдохнуть денька два-три. Он отправится в пятницу на озеро Уэкамин, день-другой порыбачит и не позже вторника будет обратно. Перед отъездом он успеет подготовить ведомости к оплате и передаст их второму кассиру. Директор поблагодарил Джэспера за его добросовестное отношение к своим обязанностям и, как нередко бывало, пригласил в четверг вечером к себе домой на ужин.

В эту среду вечером Джон, брат Джэспера, был на собрании духовного братства в Роузбэнке. Вернувшись домой и

чудесным образом превратившись в своего брата Джэспера, он не стал убирать парик и костюм Джона в нижний ящик комода, а уложил в чемодан. Чемодан он отвез к себе в Верной и запер в шкаф.

За ужином в гостях у директора он был, как всегда, любезен, но несколько молчалив: у него еще болезненно стучало в висках – и он ушел из гостей рано, в половине десятого. Он степенно шагал к центру Вернона по фешенебельному бульвару, держа в одной руке свои серые шелковые перчатки, а в другой – трость, которой он величаво помахивал. Так он дошел до гаража, где стояла его машина.

– Страшно болит голова. Хочу проехаться за город, подышать свежим воздухом, – сказал он дежурному.

Он выехал со скоростью не больше пятнадцати миль в час, держа путь на юг. За пределами города он перешел на двадцать пять миль в час. Вся его спокойная, удобная поза говорила о том, что он едет далеко: он сидел неподвижно, только чуть шевелилась нога на акселераторе и правая рука на руле. Левый локоть покоился на мягком подлокотнике, и ладонь снизу только чуть касалась руля.

Он проехал к югу пятнадцать миль, почти до самого городка у Уонагуши. Затем по довольно плохой дороге круто свернул на северо-запад и, описав большую дугу вокруг Вернона, взял курс на Сен-Клер, который, как и предместье Роузбэнк, лежит к северу от Вернона. Сделано это было не случайно. Уонагуши находился в восемнадцати милях к югу от

Вернона; Роузбэнк, наоборот, в восьми милях к северу. Сен-Клер же стоял от Вернона на двадцать миль, почти так же, как и Уонагуши, только в противоположном направлении.

По пути в Сен-Клер, проезжая в двух милях от Роузбэнка, Джэспер съехал с шоссе в рощу, где росли вперемешку дубы и клены. Он остановил машину на заброшенной лесной дороге. Вылез из машины, размялся и пошел вверх по склону лесистого холма, который круто обрывался над заглохшим лесным озером. Каменная стена почти отвесно уходила в воду. Стоя на самом краю обрыва, Джэспер разглядывал в слабом свете звезд темное, заросшее тростником озеро. Оно так затянулось тиной, что в нем никто никогда не купался. Жили в озере склизкие мордастые голавли, но редкий рыбак заглядывал сюда.

Джэспер стоял, задумавшись. С этого обрыва однажды сорвалась в воду упряжка лошадей, и вязкое дно озера засосало ее.

Он пошел вниз, ведя тростью по земле, как бы прочерчивая дорогу от обрыва до того места, где под деревьями ждал его автомобиль. Один раз он остановился и вырубил большим карманным ножом целый ореховый куст, росший на этом воображаемом пути. Дойдя до машины, он удовлетворенно ухмыльнулся, потом вышел на опушку леса и взглянул вправо и влево по шоссе. Приближалась какая-то машина. Он подождал, пока она проедет и скроется из глаз, и бегом вернулся к своему автомобилю. Вывел его задним ходом на

шоссе и помчался дальше на север, в сторону Сен-Клера со скоростью почти что тридцать миль в час.

На окраине Сен-Клера он остановился, вынул сумку с инструментами, вывернул свечу и стал бить ею по картеру. Кусок фарфорового изолятора откололся. Тогда он ввернул свечу на место и сел за руль. Мотор застучал с перебоями, один цилиндр не работал.

– Не иначе, как что-то случилось с зажиганием, – сказал он весело.

Он кое-как дотянул до гаража в Сен-Клере. Там никого не было, кроме старика негра, ночного рабочего, который мыл губкой и поливал из шланга большой черный лимузин.

– У вас есть дежурный механик? – спросил Джэспер.

– Нет, сэр. Боюсь, что вам придется оставить машину до утра.

– Черт! У меня что-то случилось с зажиганием. Или с карбюратором. Ну, делать нечего, придется, видно, оставить. Ты будешь здесь завтра, когда механик придет?

– Да, сэр.

– Тогда скажи ему, что я приеду за машиной в полдень. Нет, лучше сговоримся на девять утра. Не забудь, смотри. – Он протянул старику монету в двадцать пять центов. – Это поможет тебе не забыть.

– Поможет, поможет, очень поможет, – радостно закивал старик. Потом спросил, привязывая к машине Джэспера номерок: – Ваша фамилия, сэр?

– Фамилия? Э-э... Хэнсон. Так запомни. Завтра в девять утра я приеду за машиной.

Из гаража Джэспер пошел на вокзал. Было без десяти час. Джэспер не спросил дежурного о ближайшем поезде на Вернон. По-видимому, он знал, что в час тридцать семь в Сен-Клере останавливается нужный ему поезд. Он не остался в зале ожидания, а сел в темноте на багажную тележку возле камеры хранения. Когда подошел поезд, он проскользнул в последний вагон и сел на последнюю скамью. Надвинув на глаза шляпу, он заснул или сделал вид, что заснул. В Верноне он сошел и отправился в гараж, где всегда стояла его машина. Он вошел внутрь. В коридоре, служащем одновременно въездной дорожкой, притулившись к стене, дремал на большом табурете ночной мойщик.

– Вот не повезло так не повезло! – с деланным весельем воскликнул Джэспер. – Что-то стряслось с зажиганием. Думаю, что с зажиганием. Оставил машину в Уонагуши.

– Д-да, не повезло, – проснувшись, откликнулся мойщик.

– Ничего не поделаешь, оставил машину в Уонагуши, – еще раз повторил Джэспер, уходя.

Джэспер был несколько неточным. Он оставил машину не в Уонагуши, что на юге Вернона, а в Сен-Клере – прямо в противоположной стороне.

Затем он вернулся домой, прекрасно выспался, принял, весело напевая, ванну, однако за завтраком жаловался на головную боль и объявил, что едет на озеро Уэкамин, по се-

верной дороге, будет ловить там окуней и даст отдых своим больным глазам. Хозяйка пожелала ему счастливого пути и спросила, не нужно ли ему помочь собраться.

– Нет, нет, благодарю вас. Я беру с собой всего два чемодана – кое-какая старая одежда, ну, и рыболовные снасти. Я уже все уложил. Если управлюсь в банке пораньше, выеду с одиннадцатичасовым. У нас сейчас дел по горло со всеми этими платежами военных заводов. Оружие союзникам, знаете ли. Что там пишут сегодняшние газеты?

Джэспер появился в банке с двумя небольшими чемоданами и элегантным шелковым зонтиком с серебряной ручкой, на которой было выгравировано его имя. Швейцар, он же и сторож, помог Джэсперу отнести чемоданы в его отделение.

– Осторожно с этим чемоданом. В нем мои рыболовные снасти, – сказал Джэспер, показывая на один чемодан, который был довольно тяжел, но чувствовалось, что в нем много свободного места. – Просто не верится, что я сегодня буду ловить окуней в Уэкаmine.

– И я бы не отказался от такой поездки, сэр. А как ваша голова сегодня?

– Голова-то лучше, а глаза все болят. Видно, уж очень я их натрудил. Знаете, Коннорс, я хотел бы успеть на поезд в одиннадцать ноль семь. Вызовите для меня такси в одиннадцать. Впрочем, не надо, лучше я потом попрошу, а то вдруг не управлюсь до одиннадцати. Очень мне хочется уехать с этим поездом.

– Хорошо, сэр.

Директор, второй кассир и старший клерк – каждый спросил у Джэспера, как он себя чувствует. И каждому он повторил в ответ, что глаза у него болят и что он собирается в Уэ-камин ловить окуней.

Второй кассир, чья кабина примыкала к кабине Джэспера, весело крикнул через стальную сетку:

– Надо же, какое некоторым везение! Ну, подождите! Вот разыграется у меня летом сенная лихорадка, я на целый месяц закачусь рыбу ловить!

Джэспер поставил оба чемодана к себе и, предоставив второму кассиру выплачивать по чекам, занялся подготовкой субботних платежей. Он, как обычно, прошел в подвал – узкое, скучное, освещенное одной лампочкой без абажура, непроветриваемое помещение, где пол бы покрыт линолеумом, а всю заднюю стену составляли стальные дверцы сейфов. Дверцы, выкрашенные в бледно-голубой цвет, были ничем не примечательны, но за ними хранилось несколько миллионов долларов наличными и в ценных бумагах. Верхние дверцы – на мощных стальных петлях, каждая имеет два циферблата. Их могут открыть только два старших служащих банка, причем каждый из них знает только свою комбинацию цифр и не знает второй. Внизу несколько сейфов поменьше, и один из них находится в распоряжении Джэспера, как старшего кассира. Это небольшой стальной сейф, в котором лежало сейчас сто семнадцать тысяч долларов бумажными

деньгами и четыре тысячи золотом и серебром.

Джэспер входил в подвал и возвращался в свою кабину с пачками денег. От второго кассира, который работал в трех шагах, его отделяла только стальная сетка.

Работая, Джэспер иногда перекидывался с ним несколькими словами.

Одни раз, отсчитав девятнадцать тысяч долларов, он заметил:

– Большие платежи на этой неделе для вагоностроительного «Хеншель». Они, кажется, поставляют союзникам лафеты и кузова грузовиков.

– Угу, – безразлично отозвался второй кассир.

Быстро и четко шла у Джэспера привычная работа. Он отсчитывал деньги, сверяя с отпечатанными на машинке платежными ведомостями. Взгляд его, казалось, ни разу не оторвался от денег и колонок цифр. Кредитные билеты он складывал в пачки, скрепляя каждую бумажной лентой. Рядом лежали черные кожаные мешки, куда он как будто клал готовые пачки денег. Но он их туда не клал.

Оба чемодана стояли у его ног. Предполагалось, что они заперты. На самом деле один был отперт. И хотя он был довольно тяжел, в нем ничего, кроме чугунной болванки, не было. Время от времени рука Джэспера, державшая пачку долларов, опускалась. Легким движением ноги он приоткрывал чемодан, и пачка бесшумно падала на дно чемодана.

Нижняя часть кассы была отгорожена от наружного поме-

щения толстой стальной плитой, так что никто, кроме второго кассира, не мог видеть этих подозрительных действий. Но Джэспер опускал пачки долларов в чемодан, только когда второй кассир был занят с посетителями или поворачивался к нему спиной. Выжидая подходящий момент, Джэспер иногда пересчитывал пачки по нескольку раз и усиленно тер глаза, чтобы все видели, как он устал.

Каждый раз, уронив украдкой в чемодан пачку долларов, Джэспер демонстративно, не спеша запихивал в кожаный мешок завернутые в синюю бумагу столбики монет на остальную сумму, указанную в ведомости. Именно в эти минуты он и заговаривал со вторым кассиром. Потом запечатывал мешок и деловито отставлял его в сторону.

Джэспер так долго возился, что, когда он кончил, было без пяти одиннадцать. Он крикнул швейцара и попросил вызвать такси.

У него оставался незапечатанным еще один мешок. И все могли видеть, как Джэспер пачку за пачкой укладывает в мешок деньги, давая второму кассиру последние наставления.

– Я сложу все мешки в мой сейф, а вы потом перенесете их к себе. Только не забудьте запереть сейф. Ну, я должен бежать, а то опоздаю на поезд! Вернусь самое позднее во вторник. Будьте здоровы.

Он поспешно отнес мешки в подвал и набил ими свой сейф чуть не до отказа. Но все они, кроме последнего, были пусты, если не считать нескольких столбиков монет, за-

вернутых в синюю бумагу. Хотя он и поручил запереть свой сейф второму кассиру, но впопыхах сам набрал нужную комбинацию цифр – досадная оплошность, из-за которой второму кассиру, чтобы открыть сейф, пришлось дожидаться директора.

Джэспер схватил зонтик, чемодан, задержавшись над одним не более десяти секунд. Махнув рукой второму кассиру в окошечке кассы, он быстро побежал к выходу, так что швейцар не успел даже поднести ему чемоданы. Вскочив в такси, он громко, чтобы швейцар услышал, велел шоферу ехать на Северный вокзал.

На вокзале, отказавшись от услуг носильщиков, он купил билет до Уэкамина – курортного городка на берегу озера, находившегося в ста сорока милях от Вернона, а стало быть, в ста двадцати от Сен-Клера. И только-только успел вскочить в вагон, как поезд тронулся. Поехал он не первым классом, а сел на лавку возле задней двери в вагоне третьего класса и, аккуратно отвинтив серебряную ручку зонтика, где было выгравировано его имя, сунул ее в карман.

Когда поезд остановился в Сен-Клере, Джэспер вышел с обоими чемоданами на площадку, оставив на сиденье зонтик без ручки. Его лицо было непроницаемым и абсолютно спокойным. Поезд тронулся, он соскочил на платформу и деловито зашагал к выходу в город. Только на миг по его лицу пробежало азартное выражение и тут же исчезло.

В гараже, где с вечера стоял его автомобиль, он спросил

механика:

– Моя машина готова? Я оставил ее у вас вчера вечером. Что-то с зажиганием.

– Какое там! – ответил механик. – Знаете, сколько перед вами было машин. Я к вашей еще и не притрагивался. Думаю, после обеда за нее возьмусь.

Джэспер в сердцах облизнул губы. Со стуком опустил чемоданы на пол и, прижав согнутый указательный палец к нижней губе, стал соображать, как быть дальше.

– Ну что ж, придется, видно, ехать так. Я очень спешу. Надо вовремя попасть в соседний городишко, – пробормотал он.

– В наши дни, мистер Хэнсон, торговые агенты почти все разъезжают на машинах, – вежливо заметил механик, прочитав фамилию на гаражном номерке.

– Да, на автомобиле куда быстрее можно обернуться.

Он беспрекословно расплатился, хотя, по справедливости, платить было не за что, ведь машину не починили. Вообще он вел себя сдержанно и был совершенно такой, как все. Чемоданы он сунул на сиденье, сел за руль и уехал. Мотор, как и ночью, работал с перебоями. В другом гараже он купил новую свечу, ввернул. И мотор стал работать нормально.

Он поехал из Сен-Клера обратно в направлении Вернона и Роузбэнка, где жил его брат Джон. В двух милях от Роузбэнка он свернул с шоссе в ту самую дубовую рощу, где накануне наметил дорогу к обрыву над заросшим осокой озером.

Съехал с проселка в густую траву и остановился. Он сложил под кустом и прикрыл чемоданы, из-под сиденья извлек куринные консервы, коробку печенья, жестянку с чаем, котелок и спиртовку и все это разложил на траве – чем не пикник?

Так он сидел на траве с часу дня и до тех пор, пока не стемнело. Иногда он даже делал вид, что ест, – сходил на родник за водой, вскипятил чай, заварил, открыл коробку печенья, консервы. Но большую часть времени он сидел просто так, куря сигарету за сигаретой.

Только один раз его уединение было нарушено: швед-фермер шел ближней дорогой на свое поле. Увидев Джэспера, он окликнул его:

– Пикник, а?

– Да, пикник. Выходной день у меня, – скучно ответил Джэспер.

И фермер, не оглянувшись, пошел своей дорогой.

Когда стемнело, Джэспер докурил сигарету, раздавил коротенький окурочек и вслух произнес непонятную фразу:

– Ну, это, должно быть, последняя сигарета Джэспера Холта. Ты, Джон, конечно, не куришь, чтоб тебе пусто было.

Потом спрятал в кустах оба чемодана, сложил в машину еду, котелок, спиртовку, опустил верх машины и, крадучись, вышел на шоссе.

Вокруг ни души. Он вернулся к машине. Достал из сумки с инструментами молоток и зубила, открыл капот и в несколько ударов так сплюснул заводской номер мотора, что

его стало невозможно различить. Он снял передние и задние номерные знаки и спрятал их в кусты рядом с чемоданами. Потом почти в полной темноте он запустил мотор, повел машину между смутными массами кустов, вверх по склону холма, и, не выключая мотор, остановился почти над самым обрывом.

От машины до края обрыва оставалось метров сорок – ровная полянка, поросшая красный клевером. Джэспер измерил шагами расстояние, вернулся в машину, сел за руль, как-то бочком и явно нервничая, и двинулся с места, включив вторую скорость, потом рывком переведя на третью. Машина ринулась в пропасть. Джэспер уже был на подножке. Стоя, он левой рукой направлял машину точно к обрыву, а правой все дальше отводил ручной дроссель, прибавляя и прибавляя газ. И в самый последний миг успел соскочить на землю.

Оставленная человеком, машина на ходу взревела и сорвалась в пропасть. Метров пять она еще летела по воздуху, как бескрылый аэроплан. Потом два раза перевернулась на лету и отвесно рухнула в воду. Раздался сильный всплеск, поднялся столб воды, и сразу стало очень тихо. Круги разбежались и пропали. В сумерках поверхность озера блестела, словно молоко. Машины как не бывало. Озеро лежало таинственное, зловещее и спокойное.

– Боже мой! – прошептал Джэспер, стоя на краю обрыва. И, помолчав, добавил: – Зато они не найдут ее года два, а то

и больше.

Он вернулся к тому месту, где были спрятаны чемоданы. Присев на корточки, вынул из одного парик и черный потрепанный костюм Джона Холта. Разоблачился, надел платье Джона, а костюм Джэспера уложил в чемодан. Взяв чемоданы и номерные знаки, он пошел, держась леса, в сторону Роузбэнка. Скоро он был в полумиле от предместья. Теперь еще немного по открытому месту – и вот он уже в ивовой аллее. Он черным ходом проскользнул в дом, сжег в камине платье Джэспера, расплавил в печке номерные знаки. Двумя камнями разбил вдребезги дорогие часы Джэспера и авторучку и бросил обломки в бочку под водосточной трубой. Серебряную ручку зонтика он долго царапал стамеской, пока имя Джэспера Холта стало неразличимо.

Он отпер нижнюю секцию книжного шкафа, где стояли под видом книг пустые конфетные коробки. Вынимая из чемодана пачки однодолларовых, пятидолларовых, десятидолларовых и двадцатидолларовых бумажек, он набивал ими коробку за коробкой. Пряча деньги, он сосчитал их. Всего было девяносто семь тысяч пятьсот тридцать пять долларов.

Оба чемодана были новые, без единой царапины. Он отнес их на кухню, там обил им углы, тер куском черного гуталина, поцарапал бока и крышки, пока не стало казаться, что чемоданы были в долгом и безжалостном употреблении. Тогда он отнес их на чердак и там бросил.

В спальне он, не спеша, разделся. Раздеваясь, сказал с

усмешкой:

– Я презираю этих самодовольных глупцов: администрацию банка и полицию. Я не подвластен их дурацким законам. Никогда им меня не разоблачить – только я сам мог бы это сделать!

Он лег в постель.

– А, черт побери, – раздраженно буркнул он. – Надо думать, Джон каждый вечер молится, несмотря на ледяной пол.

Он вылез из-под одеяла и стал молить непостижимого владыку вселенной о прощении, но не Джэсперу Холту, а тем, которые не разделяли истинной веры его духовного братства.

Потом снова лег в постель и проспал до следующего утра, подложив руки под голову и спокойно улыбаясь во сне.

Так кончилось без таинственных мук смерти земное существование Джэспера Холта и возник из небытия не как призрак, являющийся лишь по средам и воскресеньям, а как человек во плоти и крови, живой все двадцать четыре часа в сутки, все семь дней в неделю – его брат Джон Холт.

3

Обитатели Роузбэнка привыкли к чудаковатому затворнику Джону Холту. И когда он в субботу вечером – на другой день после описанных выше событий – выполз из дому и побрел в магазин почтовых и канцелярских товаров на Главной улице, они только посмеивались ему вслед.

Джон Холт купил вечернюю газету и сказал продавцу:

– Прошу доставлять мне домой каждое утро «Морнинг Геральд». Адрес – Хамберт-авеню, 27.

– Я знаю ваш адрес. Но, мне помнится, вы терпеть не могли газет, – дерзко заметил продавец.

– Право? Так, пожалуйста, каждое утро «Геральд». Плачу за месяц вперед, – сказал Джон, в упор посмотрев на продавца. И тот потупился под его взглядом.

В воскресенье вечером Джон, как обычно, посетил собрание своего братства. И опять его два дня не было видно на улицах Роузбэнка.

Первое сообщение об исчезновении Джэспера появилось только в среду. Местная газета поместила на первой полосе большую статью под кричащим заголовком: «Бегство банковского кассира – любимца общества».

Газета писала, что Джэспер Холт исчез четыре дня назад. Администрация банка на первых порах отрицала преступление. Но потом вынуждена была признать, что вместе с Хол-

том из сейфа банка исчезло – по одним сведениям – сто тысяч долларов, по другим – двести тысяч долларов. Он купил в пятницу билет до Уэкамина. Кондуктор – клиент банка – видел, как он садился в поезд. Но до Уэкамина Джэспер Холт, по-видимому, так и не доехал.

Одна женщина утверждала, что в пятницу к вечеру видела Холта в автомобиле на шоссе между Верноном и Сен-Клером. Но она, по всей вероятности, ошиблась. Джэспер не мог появиться в тот час возле Сен-Клера. Наш проницательный начальник полиции имеет неоспоримые доказательства, что Холт поехал не в северном направлении, к Сен-Клеру, а в южном – за Уонагуши, в Де-Мойн или даже Сент-Луис. Точно известно, что в четверг вечером, накануне своего исчезновения, Холт оставил свою машину в Уонагуши, и наша полиция с присущей ей основательностью и проворством уже ведет в Уонагуши расследование. Начальник полиции связался с полицейскими отделениями во всех городах к югу от Вернона. Так что поимка дерзкого грабителя ожидается с минуты на минуту. Пока на посту шефа полиции стоит этот верный человек нашего всеми уважаемого мэра, горе тому, кто хотя бы помыслит о злодеянии.

На вопрос, каково его мнение о гипотезе, согласно которой преступник бежал на север, начальник полиции ответил, что, безусловно, Холт сперва действительно поехал в северном направлении, но только затем, чтобы сбить полицию со следа. Он очень скоро повернул на юг в Уонагуши, где остал-

ся его автомобиль. Начальник полиции дал понять, что человек, скрывавший в Уонагуши автомобиль Холта, будет, вероятно, арестован.

На вопрос, не считает ли он Холта помешанным, начальник рассмеялся и сказал:

– Его помешательство стоило банку двести тысяч долларов. Я не злословлю, но среди наших политических противников немало найдется таких, что согласятся прослать сумасшедшими и за гораздо меньшую сумму.

Директор банка, однако, был очень расстроен и уверял всех, что Холт – человек, пользовавшийся расположением «лучших людей города», прекрасный актер и добросовестнейший работник, не иначе как помешался в уме; последнее время его мучили сильные головные боли. Страховая компания, которой пришлось выплатить банку по страховому полису двести тысяч долларов, тем временем послала на розыски преступника в помощь полиции своего детектива.

Как только Джон Холт прочитал в газете об исчезновении Джэспера Холта, он немедленно сел в трамвай и приехал в Верной. Он явился к директору банка с поникшей от стыда и горя головой. Директор принял его. Он нетвердыми шагами вошел в кабинет и через силу выговорил:

– Я только что узнал из газеты ужасную новость о моем брате. Я пришел...

– Мы надеемся, что это просто временная потеря памяти. Мы уверены, что он придет в себя и скоро вернется, – упор-

ствовал директор.

– Я бы хотел этому верить. Но я знаю брата. Это испорченная натура. Пьет, курит, актерствует. Суетно поклоняется моде.

– Помилуйте, это еще не дает оснований считать его вором.

– Молю бога, чтобы вы оказались правы. Тем временем я хотел бы оказать вам всякое посильное содействие. Отныне дело моей жизни – предать правосудию моего брата. Если, конечно, он виновен.

– Очень похвально, очень похвально, – промямлил директор.

Несмотря на такую потрясающую честность, директор не мог побороть своей неприязни к Джону. Тот сидел подле него, подавшись вперед и почти вплотную приблизив свое тупое лицо к его лицу.

Директор отодвинул кресло и сухо сказал:

– Мы, между прочим, собирались произвести у вас обыск. Вы живете, насколько я помню, в Роузбэнке?

– Да. И я буду счастлив показать вам каждый закоулок, каждую щелку в моем доме. Я сделаю все, что потребуется. Я чувствую, что вина моего брата в полной мере падает и на меня. Вот вам ключ от моего дома. За домом есть еще сарай, где Джэспер оставлял машину, когда приезжал ко мне. – Он вынул из кармана и протянул директору большой, заржавленный старинный ключ. – Мой адрес: Роузбэнк,

Хамберт-авеню, 27.

– Право, это ни к чему, – сказал директор, устыдившись, и в раздражении отвел руку Джона.

– Но я должен как-то вам помочь! Что я могу сделать? Кто, выражаясь языком газеты, ведет дело? Я окажу ему содействие...

– Вот что я вам посоветую: поезжайте к мистеру Скэндлиngu в страховую компанию и расскажите ему все о своем брате.

– Хорошо, так и сделаю. Я разделю с братом ответственность за содеянное им. Иначе я возьму на душу грех Каина. Вы даруете мне возможность искупить нашу общую вину. А как говорил, бывало, преподобный Иеремия Бодфиш, искупление греха – великая благодать, как бы тяжело и мучительно ни было наказание для тела. Как я, возможно, уже говорил вам, – я член духовного братства «Спасение». И хотя мы свободны от ханжества и догматизма, наша непоколебимая вера...

И тут Джон Холт разразился проповедью, он цитировал позабытые книги и словеса старцев-изуверов, сплетая злобную гордость и нелепые мистические формулы в липкую паутину исступления. Директор пережил десять ужасных минут. Он ходил в церковь, постоянно жертвовал на миссионерскую деятельность, сорок лет его семье принадлежала скамья в церкви святого Симеона, но сейчас его прошиб холодный пот и была дрожь от ярости при виде этого самодо-

вольного святоши.

Наконец он не выдержал и довольно грубо выпроводил Джона Холта. «Проклятие, – пробормотал он, когда захлопнулась дверь. – Я понимаю, что это нехорошо, но, признаюсь, я предпочитаю грешного Джэспера благочестивому Джону. Фу! От него несет подвальной сыростью. Как будто он целыми днями сидит в подполье и перебирает картошку. Черт! А ведь Джэспер имел наглость когда-то мне сказать, что если он ограбит банк, то мне лучше всего обратиться к его брату. Теперь мне все понятно. Джон – из тех назойливых болванов, которые способны запутать любое дело. Так что, прошу прощения, Джэспер, с вашим братцем я впредь иметь дело не намерен!»

А Джон отправился в страховую контору к Мистеру Скэндлингу и долго терзал его подробными, никому не нужными рассказами о юношеских и совсем недавних прегрешениях своего порочного брата. Мистер Скэндлинг послал его к детективу, который по поручению компании занимался розысками Джэспера Холта. Детектив был человек общительный, простецкий – ему Джон показался еще невыносимее. Джон требовал, чтобы детектив обыскал его дом в Роузбэнке. Детектив с ним поехал, но осматривал дом кое-как, думая только об одном: как бы скорее улизнуть. А Джон целых пять минут показывал ему сарай, куда Джэспер ставил машину. Он пытался также вызвать у детектива интерес к своим бесценным засаленным книгам. Отпер одну секцию,

достал четырехтомное собрание проповедей и начал читать вслух.

– Да, да, – прервал его детектив, – это здорово интересно. Но ведь ваш братец не мог спрятаться на полке за книгами!

И поспешил обратиться оттуда, заверив Джона, что, если понадобится его помощь, за ним пришлют.

– Если бы только я мог искупить...

– Да, мистер, ясное дело! – взвыл детектив и бросился без оглядки к воротам.

В тот день Джон еще раз съездил в Верной. Он навестил начальника полиции. И сообщил ему, что приглашал к себе в дом для обыска детектива страховой компании. Так не будет ли и полиция любезна обыскать его дом? Он должен искупить... Начальник полиции похлопал Джона по спине и посоветовал не терзаться совестью из-за преступления брата.

– Поезжайте-ка лучше домой. У меня, знаете ли, дел по горло. – И выпроводил Джона.

Когда в тот вечер Джон Холт направлялся на собрание в молитвенный дом, люди на улице шептались о том, что это его брат ограбил Национальный Лесной банк. Джон шел, понурился от стыда голову. Своим духовным братьям он объявил, что берет грех Джэспера на себя, молился вместе с ними о том, чтобы Джэспер был пойман и сподобился благодетельного наказания. Братья умоляли, чтобы Джон не чувствовал себя виновным, – ведь он принадлежит к братству, которое одно в этом грешном и жестоком мире спасется.

В четверг, в субботу утром, во вторник и в пятницу Джон ездил в Вернон к директору банка и детективу страховой компании. Дважды директор принимал его и чуть не умер с тоски от его проповедей. На третий раз он велел сказать, что его нет. На четвертый Джона все же допустили к директору, но директор резко сказал ему, что если он хочет быть полезным, то лучше всего пусть не вмешивается куда его не просят.

Детектив страховой компании все четыре раза «отсутствовал».

Джон кротко улыбнулся и перестал предлагать свои услуги. Конфетные коробки на нижней полке в его шкафу стали покрываться пылью – все, кроме одной, которую он время от времени доставал. И всякий раз после того, как он брал с полки эту коробку, в почтовом отделении южного района Вернона появлялся человек с рыжеватыми волосами, в черном давно не глаженном костюме и, подписавшись Р. Дж. Смитом, посылал на имя Джона Холта в Роузбэнк почтовый перевод, как он это делал уже на протяжении полугода. Переводы эти были всегда на скромную сумму – не больше двадцати пяти долларов в неделю. Но их с лихвой хватало такому аскету, как Джон. Иногда он получал деньги на почте Роузбэнка, но чаще разменивал почтовый чек в своей любимой бакалейной лавке, когда выходил вечером подышать свежим воздухом.

В разговоре со своим соседом-счетоводом, который каж-

дый вечер прогуливался у себя перед домом, выкуривая послеобеденную сигару, Джон, не кривя душой, признался, как мучает его эта плачевная история с братом, наверное, он, Джон, слишком уж погрузился в свои занятия и мало внимания уделял брату Джэсперу. Сосед уговаривал Джона почаще выходить из дому. Джон дал себя убедить – во всяком случае, он стал ежевечерне совершать недалекие прогулки и позволил нарушить свое ученое уединение молочнику и посыльным из мясной и бакалейной лавок. Он стал похаживать в библиотеку и в зале справочной литературы читал книги о Центральной и Южной Америке – как будто собирался в один прекрасный день туда уехать.

Но богословских занятий он не оставил. Можно было бы подумать, что до бегства Джэспера Джон не очень усердно трудился над своим исследованием Апокалипсиса. Во всяком случае, до сих пор свет был знаком только с небольшими отрывками, представлявшими собой беспорядочную смесь цитат из сочинений святых отцов. Потрясенный преступлением брата, он стал трудиться с гораздо большим усердием и постоянством. Весь год, в течение которого страховая компания мало-помалу отказалась от поисков Джэспера, придя к выводу, что его нет в живых, в душе Джона шла интенсивная, но загадочная работа. Дни и ночи он проводил в размышлениях, стал терять чувство реальности. И за тучами физического бытия ему стали мерещиться башни и стены духовного града.

Про Джэспера Холта говорили, что он не играет роль, а воплощается в своего героя. Но истинных размеров таланта этого артиста, погибшего в скромном банковском служащем, никто не узнал. Ему не рукоплескала толпа, зато он не остался без материального вознаграждения. Сыграв свою самую трудную роль, он получил за это наличными девяносто семь тысяч долларов. И, пожалуй, он их заработал. Право же, это было справедливое вознаграждение за весь риск, с каким сопряжена такая работа. Ведь Джэспер прикоснулся к тайне человеческой индивидуальности. И теперь ему грозила опасность совсем потерять себя, душой уподобиться Вечному Жиду, блуждать по земле живым мертвецом.

Узкие, длинные листья ив пожухли и опали после проливных октябрьских дождей. Кора полопалась и кое-где отвалилась, оставляя длинные глубокие раны, влажно желтевшие на темных стволах. За голыми деревьями подымались серые каменные стены дома, где жил Джон Холт. На черной мокрой земле рыже-бурой щетиной торчало былье. Кирпичи, вымостившие аллею, никогда не просыхали. Все в природе съжилось, поникло под холодным, сырым дыханием осени.

В серых сумерках по ивовой аллее прохаживался человек, такой же унылый, как все вокруг. Бессильная походка, шевелящиеся губы – знак постоянных одиноких размышлений. Поверх неглаженного черного пиджака и изжелта-серой манишки на нем было поношенное пальто с позеленевшим от старости бархатным воротником. Человек думал:

«Во всем этом что-то есть. Я начинаю прозревать, но я еще не понимаю смысла того, что является моему духовному взору! Я вижу свет сверхъестественного мира, и мысли о еде и сне кажутся мне смешными. Я сам себе закон! Я... я выше всех законов! Почему же мне не подняться над законами зрения и не заглянуть в тайны бытия? Да, я совершил грех и должен испытать раскаяние – когда-нибудь. Я не буду возвращать деньги. Я понял теперь: деньги посланы мне, чтобы я вел эту жизнь мыслителя. Но такая неблагодарность

по отношению к директору банка, к людям, которые доверились мне... Может быть, я всего-навсего самый ничтожный из грешников, жалкий слепец? Голоса – я слышу противоречивые голоса, одни превозносят меня за мою дерзость, другие упрекают...»

Он встал коленями на черную мокрую доску низенькой садовой скамьи под ивами и в сгущавшихся осенних сумерках начал молиться. Ему казалось, что он молится не словами, а огромными смутными образами – словами языка, более могучего, чем все человеческие языки. Когда молитва совсем обессилела его, он медленно побрел домой. Запер за собой дверь на замок. Ему нечего было бояться. Но ему всегда было неприятно, когда дом был не заперт.

При свече он приготовил свой скудный ужин: гренки, яйцо, дешевый зеленый чай со снятым молоком. Как всегда, после еды ему захотелось выкурить сигарету, и, как всегда в эти полтора года, он не закурил, а пошел в гостиную и весь долгий тихий вечер читал старинную книгу, читал подробно, со всеми сносками и примечаниями о нумерологии в Книгах пророков и о числе апокалиптического зверя. Потом делал выписки для своей книги об Апокалипсисе – набралась уже целая стопка листов, исписанных витиеватым мелким почерком ученого-схоласта. Этим почерком он исписал уже тысячи страниц. Иногда он целыми ночами не выходил из-за письменного стола, но всегда ему казалось, что его перо не успевает угнаться за мыслями. И он безжалостно сжигал

большую часть написанного.

Но придет день, и он создаст настоящий шедевр! Он ощущением продвигается к величайшему в истории открытию. Все в мире, установил он, решительно все физические явления, а не только тот или иной священный предмет являются символами. С ужасом и восторгом стал он испытывать новый способ предсказания. Лампа под потолком гостиной едва заметно качалась. Он прошептал:

– Если этот светлый круг, качаясь, коснется книжного шкафа, это будет знак, что я должен превратиться в другого человека, уехать в Южную Америку и истратить там мои деньги.

Дрожь пробежала по его телу. Лампа двигалась невыносимо медленно. Вот светлое пятно подошло к самому шкафу. Он затаил дыхание. Пятно, не коснувшись шкафа, поползло обратно.

Неужели он до конца дней своих обречен жить в этом приюте скорби и страха, который всегда представлялся ему таким надежным убежищем? И вдруг он все понял:

– Ища спасения, я укрылся в тюрьме! Не правосудие ловит человека – он ловит себя сам.

Он решил попробовать еще раз. Если карандашей на столе больше пяти, тогда он грешник, если меньше – значит, в самом деле законы писаны не про него. Он обыскал весь стол, поднимал книги, бумаги, ища карандаши. Он обливался холодным потом, мучаясь неизвестностью.

– Что это? Я схожу с ума? – вдруг воскликнул он. И побежал в свою спартанскую спальню. Но он не мог спать. В его воспаленном мозгу плясали мистические числа, и во всех окружающих его предметах ему чудились скрытые предзнаменования.

Он очнулся от полузабытья, в котором видения теснили его еще безжалостнее, чем наяву.

– Я должен пойти и признаться! – воскликнул он. – Но я не могу! Не могу! Я в тысячу раз умнее их всех. Я не могу позволить им восторжествовать над собой! Чтобы эти дураки взяли меня, не шевельнув и пальцем!..

С тех пор, как исчез Джэспер Холт, минуло полтора года. Иногда Джону казалось, что прошло всего полтора месяца, а иногда – что целые столетия. Душевные силы Джона были подточены его таинственными занятиями, мистическими упражнениями с оккультными таблицами, долгими бессонными ночами, когда он слышал, как столы стучали, а потрескивающие в очаге угли говорили. И вот уже вторая осень его затворничества сменяется зимой, а он по-прежнему здесь, а не в Южной Америке. У него не хватает энергии приступить к исполнению задуманного. Еще летом он гордо говорил себе, что скоро покинет это проклятое место и уедет на юг, заметя за собой следы, как один только он умеет. Но боже! – столько хлопот... Он не испытывал больше радости от актерского перевоплощения, которая вдохновляла его брата Джэспера, когда тот готовил свой побег.

Он убил Джэспера Холта. И из-за жалкой кучки бумажек, именуемых «деньгами», превратился в заплесневелого отшельника.

Он ненавидел свое одиночество, но еще больше он ненавидел своих спасающихся братьев: визгливую святошу-швею, угрюмого плотника, домохозяйку с поджатыми губами, старого крикуна с криво подстриженными бакенбардами. Ах, это были люди без всякого воображения! Их собрания до тошноты походили одно на другое: те же самые люди в том же порядке поднимались с места и произносили одни и те же слова, внушая господу, что они единственные его избранники на земле.

Сперва их уважение забавляло его, потом прискучило. Он стал возмущаться, как они смели равнять себя с ним – с единственным человеком на земле, который сумел отринуть все мирские иллюзии и познать блаженство, доступное только немногим возвышенным душам.

Это случилось в среду, в конце ноября, когда один красномордый собрат на молебствии в течение получаса уныло мямлил о том, что он, как член братства «Спасение», заведомо непогрешим. Джону Холту стало невыносимо скучно. Он не выдержал и вскочил.

– Мне тошно от вас от всех! – не выговорил, а прорычал он. – Вы так уверены, что вас посетила благодать божия, что почитаете себя непогрешимыми. Я тоже так считал! Теперь я знаю, что все мы жалкие грешники. И только! Вы твердите:

я грешен, грешен, – но сами ни на минуту не верите этому. Я говорю это вам, всем вам, которые только что тут, бия себя в грудь, завывали, и тебе, брат Джаджкинс, с длинным любопытным носом, и себе, Джону Холту, самому несчастному из смертных. Мы должны покаяться, исповедаться в своих грехах. Мы должны искупить их! И вот сейчас... здесь... я покаюсь перед вами... Я... я... украл...

Как громом, пораженный своими словами, он бросился вон из зала и, как был, без шляпы, без пальто, помчался по главной улице Роузбэнка, не останавливаясь, пока за ним не захлопнулась дверь его дома. Ужас охватил его: ведь он только что чуть не выдал своей тайны, но еще большее терзание испытывал он оттого, что, испугавшись, остановился на полуслове, не признался и не обрел покоя, который еще мог бы обрести, – покоя, приносимого вездесудом.

Он больше не приходил на собрания братства. Он вообще никуда не выходил из дому целую неделю, не считая ночных прогулок по ивовой аллее. Но однажды он вдруг почувствовал, что больше не в силах переносить молчание пустого дома. Он выбежал из дому, забыв запереть дверь и даже притворить ее. Он бежал в город, без пальто, в своем ветхом черном костюме и старой садовничьей кепке на рыжеватых, растрепанных волосах. Люди смотрели ему вслед, и он испытывал бессильное бешенство.

Он вошел в кафе, мечтая посидеть за столиком и чтобы кругом разговаривали нормальные люди, не обращая внима-

ния на него. Но бармен у стойки, увидев его, обомлел. Из-за кассы раздалось:

– Глядите-ка, да это никак безумный отшельник!

Пять-шесть парней у стойки выпялили на него глаза. Ему стало так неудобно, что он не смог выпить молока и съесть сэндвич, которые заказал. Оттолкнув поднос, он выбежал на улицу. Так печально закончилась его первая за полтора года попытка позавтракать и посидеть на людях – безнадежная попытка воскресить Джэспера Холта, которого он сам так хладнокровно убил. Потом он зашел в табачный магазин и купил коробку сигарет. Он испытывал наслаждение, попирая свой аскетизм. Но когда на улице он раскурил сигарету, у него так закружилась голова, что он чуть не упал и должен был сесть на обочину тротуара. Стала собираться толпа. Он с трудом поднялся на ноги и через силу побрел домой.

Он шел долго и всю дорогу строил самые противоречивые планы: то он решал пойти в банк и во всем признаться, то воображал, как будет жить, швыряя деньгами направо и налево, и никогда никому не признается.

Домой он добрался за полночь.

У дома он в изумлении остановился. Входная дверь была распахнута настежь. Вспомнив, что сам не запер ее, он успокоился и не спеша вошел в дом. Не заходя в гостиную, он направился к лестнице, ведущей в спальню. Неожиданно ему под ногу попался какой-то предмет размером с книгу, но по звуку пустой. Он поднял его. Это была похожая на книгу

конфетная коробка. И совсем пустая. Он испуганно прислушался. В доме было тихо. Он прокрался в гостиную и зажег свет.

Дверцы книжного шкафа были сорваны. Все книги валялись на полу. Конфетные коробки, которые еще утром содержали девяносто шесть тысяч долларов, лежали стопкой. И все были пустые. Десять минут он шарил по комнате. Бумажка в пять долларов, завалившаяся под стол, – вот все, что он нашел. В кармане у него был один доллар и шестнадцать центов. Итак, у Джона Холта осталось всего шесть долларов шестнадцать центов и при этом ни друзей, ни работы, ни настоящего имени.

5

Когда директору Национального Лесного банка сказали, что его ждет Джон Холт, он нахмурился.

– О господи! Про него-то я совсем забыл! Он у нас не был пожалуй что с год. Пусть войдет. Хотя нет. Не надо. Скажите ему, что я сейчас очень занят и не могу его видеть. Если, конечно, у него нет новостей о Джэспере. Порасспросите его.

– Я очень сожалею, – нежно улыбнулась Джону секретарша директора, – но у директора сейчас совещание. У вас к нему какое-нибудь дело? Нет ли новостей о вашем брате?

– Новостей нет, мисс. Я пришел к директору, выполняя волю господню.

– Ох, вот оно что! Тогда, боюсь, я не смогу побеспокоить господина директора.

– Я подожду.

И он остался ждать. Он ждал все утро, ждал в обеденные часы – один раз директор быстро прошел мимо него и вернулся, – ждал до вечера, пока директор окончательно не потерял способность о чем-либо думать, кроме этого пугала у себя в приемной, и велел его позвать.

– Здравствуйте, Джон. Какое у вас ко мне дело? Я очень сегодня занят. Есть какие-нибудь новости о Джэспере?

– Новостей никаких, сэр. Есть зато сам Джэспер! Я Джэспер Холт! Его вина – моя вина!

– Да, да. Я помню всю эту чепуху. Родные братья, родные души, общая вина...

– Вы не поняли. Нет никакого брата. Нет никакого Джона Холта. Я – Джэспер. Я выдумал брата-близнеца, переделал... Неужели вы не узнаете моего голоса?

Джон, упираясь ладонями, с выжидательной улыбкой перегнулся через стол, но директор только покачал головой.

– Нет, не узнаю, – мягко сказал он. – Это голос честного, благочестивого Джона. Джэспер был веселый малый и ловкий мошенник. Его смех...

– Послушайте, я засмеюсь, и вы сейчас же узнаете меня!

Хриплый смех Джона походил на крик больной выпи. Директор банка содрогнулся. Его пальцы искали сбоку стола кнопку, которой он вызвал секретаршу.

Но Джон убеждал:

– Посмотрите на мои волосы. Это парик. Теперь вы видите, что я Джэспер?

Он сдернул с головы рыжеватую копну. И боязливо выпрямился.

Директор в первую минуту растерялся. Потом покачал головой и вздохнул.

– Бедняга Джон! Парик париком. Но и ваши собственные волосы нисколько не похожи на волосы Джэспера.

Он указал на зеркало в углу.

Джон, пошатнувшись, шагнул в зеркалу. У Джэспера были жидкие, гладко прилизанные черные волосы. А Джон уви-

дел влажные седые космы, примятые на желтом черепе.

– Неужели вы не видите, что я Джэспер? – в отчаянии взмолился Джон. – Я украл девяносто семь тысяч долларов из вашего банка. Я хочу понести наказание. Что надо сделать, чтоб доказать? Я бывал в вашем доме. Вашу жену зовут Эвелина. Я получил от вас...

– Мой дорогой Джон, все эти интересные факты вы могли узнать у вашего брата. Боюсь – вы уж простите меня за прямоту, – что от этой несчастной истории вы немножко повредились в уме, милый Джон.

– Нет никакого Джона! Нет! Нет! И не было!

– Я бы поверил этому, если бы никогда не видал вас до исчезновения Джэспера.

– Дайте мне лист бумаги. Вы знаете мою руку...

Цепкими скрюченными пальцами он схватил банковский бланк и попробовал писать округлым канцелярским почерком Джэспера. За последние полтора года он покрыл тысячи страниц мелким витиеватым почерком Джона. И сейчас, как он ни старался, выведя три слова большими дрожащими буквами, он перешел на густую, неразборчивую вязь Джона.

Джон еще не положил пера, а директор уже с облегчением говорил ему:

– Боюсь, что и это не поможет. Джэспер писал совсем по-другому. Послушайте, Джон, что я вам посоветую. Уезжайте из Роузбэнка, поселитесь где-нибудь на ферме. Физический труд, свежий воздух. Все ваши тревоги и беспокойства как

рукой снимет. – Директор встал и ласково прибавил: – А теперь, боюсь, я должен вернуться к работе.

Он помолчал, дожидаясь, пока Джон уйдет.

Джон яростно скомкал листок бумаги и швырнул его на пол. В его перетруженных глазах блеснули слезы.

– Неужели я ничем не могу доказать, что я Джэспер Холт? – простонал он.

– Почему же нет? Можете. Верните то, что осталось от девяносто семи тысяч долларов.

Джон вынул из кармана старенькой жилетки пятидолларовую бумажку и горсть мелочи.

– Вот все, что от них осталось. Вчера вечером из моего дома украли девяносто шесть тысяч.

Как ни жаль было директору бедного безумца, он не мог удержать улыбки. Тут же справившись с собой, директор попытался выразить сочувствие:

– Да, вам здорово не повезло, старина. Ну что ж, может, у вас живы родители, какие-нибудь родственники, кто мог бы подтвердить, что у Джэспера не было брата-близнеца?

– Мои родители давно умерли. Родню всю я растерял. Я ведь родился в Англии. Отец приехал сюда, когда мне было шесть лет. Возможно, в Англии соседи или дальние родственники могли бы... Я не знаю. Сейчас, с войной, наверное, и не выяснишь. Пришлось бы ехать туда...

– Ну, значит, ничего не поделаешь, старина. – Директор нажал кнопку звонка. Вошедшей секретарше он мягко ска-

зал:

– Проводите, пожалуйста, мистера Холта.

В дверях Джон еще успел крикнуть:

– Мою машину можно найти. . .

Дверь захлопнулась. Директор не слушал.

Он «отдал распоряжение никогда, ни при каких обстоятельствах не пускать к нему больше Джона. Потом позвонил в страховую компанию и предупредил их, что Джон Холт сошел с ума и что разговаривать с ним бесполезно.

Но Джон не пошел туда. Он отправился в городскую тюрьму. Прошел в канцелярию и спокойно сказал:

– Я украл большую сумму денег. Но не могу этого доказать. Не посадите ли вы меня в тюрьму?

– Убирайся отсюда! – закричал на него начальник тюрьмы. – Вы, бродяги, всегда что-нибудь такое придумаете, когда вам нужна теплая, бесплатная квартира на зиму. Почему, черт бы вас побрал, вы не хотите поработать лопатой на песчаных карьерах? Там платят в день два доллара семьдесят пять центов.

– Слушаю, сэр, – кротко ответил Джон. – Скажите только, как туда проехать?